

Времена парламентаризма в Сирии

Халид
аль-Азм

(фрагменты мемуаров)¹

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПАРЛАМЕНТАРИЗМУ

После свержения [военной диктатуры] Адиба Шишакли², в конце февраля 1954 года, президент республики, господин Хашим аль-Атаси³, вернулся к исполнению обязанностей. Было сформировано правительство под руководством господина Сабри аль-Асали⁴, [которое проработало до середины июня]. Власть в кабинете делили Народная партия и Национальная партия⁵, а также независимые политики из числа депутатов Учредительного собрания⁶. Было решено провести парламентские выборы⁷ под наблюдением нейтрального правительства, которым руководил Саид аль-Газзи. [...]

Выборы назначили на 20 августа. Кандидаты вступили в борьбу за голоса избирателей. [Поначалу] я сомневался, выставлять ли свою кандидатуру, но [дело решил] разговор между мной, начальником генерального штаба Шаукатом Шукейром⁸ и его

- 1 Перевод фрагментов воспоминаний Халида аль-Азма выполнен по: AL-AZM Кн. *Mudhakkirāt Khalid al-Azm, al-mujallad al-thānī*. Beirut, 1973. P. 285–289, 294–296, 299–300.
- 2 Адиб Шишакли (1909–1964) – сирийский военный и политический деятель, фактический руководитель Сирии с декабря 1949 года по февраль 1954-го, когда в армии начался мятеж, поддержанный начальником генштаба. Шишакли был вынужден покинуть Сирию. Убит в изгнании. Здесь и далее биографические данные приведены по: MOUVAËD S. *Steel & Silk: Men & Women Who Shaped Syria, 1900–2000*. Seattle: Cune Press, 2006.
- 3 Хашим аль-Атаси (1873–1960) – сирийский политик, видный лидер движения за независимость от Франции в 1930-х. После свержения военного режима Хусни аз-Заима (март–август 1949 года) Хашим аль-Атаси стал президентом (до декабря 1951 года). Однако фактически влияние гражданских политиков в этот период было ограничено военными во главе с Адибом Шишакли.
- 4 Сабри аль-Асали (1903–1976) – политик из Дамаска, один из лидеров Национальной партии. В 1950-х четырежды возглавлял правительство.
- 5 Национальная и Народная партии были основаны лидерами движения за независимость после того, как французские войска покинули Сирию (1946). В Национальной партии доминировали политики из Дамаска. Партия поддерживала первого президента независимой Сирии Шукри аль-Куватли (1943–1949; 1955–1958), а во внешней политике обычно ориентировалась на Египет и Саудовскую Аравию. Народная партия считалась выразителем интересов элит Алеппо и стремилась к сближению с Ираком и Иорданией.
- 6 Выборы в Учредительное собрание прошли осенью 1949 года, после свержения военной диктатуры Хусни аз-Заима. На выборах победила Народная партия. Изначально предполагалось, что Учредительное собрание созывается, чтобы разработать новую Конституцию, однако депутаты продлили срок своих полномочий до четырех лет (как у обычного парламента).
- 7 Выборы 1954 года считаются самыми конкурентными в истории Сирии.
- 8 Шаукат Шукейр (1912–1982) стал начальником генерального штаба при Адибе Шишакли. Поскольку Шукейр был другом из Ливана, Шишакли не считал его серьезным конкурентом. Когда в феврале 1954-го в армии начался мятеж, Шаукат Шукейр перешел на сторону восставших. Это позволило ему сохранять пост начальника генштаба до 1956 года. Отслужив в сирийской армии, Шукейр вернулся в Ливан.

Халид аль-Азм (1903–1965) – сирийский политик, в 1940–1960-х неоднократно был министром и главой правительства, выдвигался в президенты. Принадлежал к одной из самых влиятельных и богатых семей Дамаска: в XVIII веке (при Османской империи) представители рода на протяжении десятилетий правили городом и одноименной провинцией. После военного переворота 1963 года, который привел к власти партию «Баас», как и многие представители старой элиты, отправился в изгнание, а его имущество было конфисковано. Последние годы жизни провел в Бейруте.

помощником, полковником по имени Тауфик Низам ад-Дин. [...] Суть в том, что армия сопротивлялась возвращению Народной партии к власти и была готова на военный переворот, если кто-то из членов этой партии станет президентом. Так что два полковника просили меня выдвинуться на этот пост. Они сказали, что не поддержат никого другого, и было необходимо, чтобы я как можно скорее избрался в парламент, готовя путь к своему успеху на президентских выборах.

Я советовался со множеством друзей-политиков, и все они единодушно подбадривали меня и убеждали последовать по этому пути. Меня посетили сыновья дяди по отцовской линии, и все они настаивали, чтобы я участвовал в выборах. Они демонстрировали готовность неустанно помогать мне. Во главе просителей были господа Бадиа аль-Муэййд, Аклиль аль-Муэййд и Абд аль-Кафир аль-Ази. Я поддался на их уговоры и официально заявил, что намерен баллотироваться.

Я приступил к предвыборной кампании, собрав под свои знамена родственников, друзей и прочих последователей. Мой дом, расположенный в районе [Дамаска] под названием Сук Саруджа, стал местом для собраний, куда приходили огромные толпы, в основном молодых парней. Я выступал перед ними с речами, публично разъясняя свои прогрессивные взгляды: моя политика, говорил я, будет свободна от консерватизма и страхов, которые сковывают старых деятелей. Эти политики не рассказывают широкой публике о кознях империалистических государств против арабских стран, потому что боятся их мощи. Как будто бы арабы еще не натерпелись от них за десятилетия [колониального правления] в Сирии, Египте, Ливане, Ираке, Иордании, Палестине и арабских странах в Африке!

Я говорил собравшимся, что обязуюсь освободить сирийскую и арабскую политику от этого страха, говорил о необходимости выбирать собственный путь, а не тот, который нам навязывают империалисты. Что касается экономической и социальной программы, ее содержание радовало слушателей, ведь она строилась вокруг идеи социальной справедливости и предполагала повышение уровня жизни в результате роста сельскохозяйственного и промышленного производства, базирующегося на эффективном экономическом планировании. Все эти идеи были вкратце изложены в предвыборной программе, которую я подготовил, напечатал и принялся распространять. [...]

Для своего избирательного списка – мы баллотировались от Дамаска – я выбрал доктора Сами Каббару. Мы с ним были министрами в правительстве Хашима аль-Атаси, а потом он дважды был министром в моих правительствах в 1950-м и 1952 годах. [...] У него было много сторонников, и в 1949 году они

сделали его депутатом. Тогда он получил большинство голосов от Дамаска, возглавляя собственный список.

Я также выбрал доктора Жоржа Шахлуба – врача с очень хорошей репутацией. У него были сторонники во всех политических кругах Дамаска. В прошлом он был членом Народной партии и стал министром общественных работ, но ушел и стал независимым политиком. [...]

Господин Нури аль-Хахим – популярный молодой человек – также присоединился к моему списку. Он был депутатом от Дамаска со множеством сторонников в районе аль-Майдан. [...]

В тот день было объявлено, что господин Шукри аль-Куватли, бывший президент республики, вернется в Дамаск. Сразу же поползли слухи, что армейские офицеры не дадут ему сойти с трапа. Мы попросили полковника Шукейра прояснить ситуацию. Он смутился и поспешил заверить нас, что это неправда. Но также он признал, что военные не рады прибытию [экс-президента], особенно на фоне выборов. Однако стоило Куватли вернуться, не прошло и дня, как Шукейр лично возглавил группу высокопоставленных офицеров, которые приехали к нему домой, чтобы поздравить того с возвращением. Это было неожиданностью для тех, кто помнил, как Куватли покидал Сирию после переворота 30 марта 1949 года, организованного армией, и как его месяц держали в тюрьме аль-Меззе, а на улицах Дамаска – по призыву военных – проходили демонстрации, приветствовавшие его свержение.

Приводились разные объяснения, почему армия, шесть лет мешавшая его возвращению, приветствовала Куватли. Шукейр сказал нам, что в армии есть две тенденции. Одни ненавидели Куватли и считали его ответственным за поражение в Палестинской войне – для них его возвращение к власти было неприемлемо. Другим Куватли нравился, и они говорили, что у него как гражданина есть право вернуться на родину, особенно если он не собирается заниматься политикой. Поэтому Шукейр как глава армии не мог позволить себе занять ни одну из сторон, опасаясь открытого раскола среди офицеров. В итоге он был вынужден собрать лидеров фракций и, возглавив их группу, посетить Куватли. Шукейр настоял, чтобы все согласились на уход Куватли с политической сцены. Если тот пойдет против этого решения, от него потребуют покинуть Сирию. [В 1955-м Шукри аль-Куватли стал президентом и занимал этот пост до объединения с Египтом в начале 1958 года.] [...]

Жители Дамаска славятся тем, что приветствуют всякого приезжающего. Дело дошло до того, что приходят приветствовать даже тех, кто выходит из тюрьмы! Не удивительно, что люди стали поодиночке и группами стекаться в дом матери Куватли в районе аль-Мухаджирин, где он и обосновался. Его

ХАЛИД АЛЬ-АЗМ

ВРЕМЕНА
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
В СИРИИ...

последователи принялись побуждать людей к подобным визитам. В ход шли любые методы, включая лесть, просьбы, настойчивые требования и угрозы.

Очень скоро стала ясна цель присутствия Куватли в Дамаске. Он призывал объединиться (разумеется, под своим лидерством), забыть о вражде и сообща противостоять угрозам [...] – и нашел отклик в реакционных политических кругах. Отдельные представители Национальной партии [сторонников Куватли] и Народной партии стали активно распространять этот призыв. Его подхватила часть независимых депутатов вроде Мунира аль-Аджлани и [религиозные] шейхи, наподобие аль-Каттани и Хаббанаке. И все, кто в период первого президентства аль-Куватли наслаждался привилегиями и назначениями для себя и родственников, стали подпевать ему – бесплатно или за мзду, – полагая, что былая слава вернулась к нему. [...]

Что касается сознательной молодежи, она с энтузиазмом восприняла мой политический курс, заключавшийся в борьбе с империализмом. К моей кампании также присоединились рабочие из профсоюзов – после того, как прочитали мою предвыборную декларацию и выслушали мои речи в поддержку их требований. Я ведь не льстил им и не охотился за их голосами, а искренне желал помочь.

Рабочие помнили, что я был первым, кто добился реализации их справедливого требования, когда в 1944 году внес проект закона о труде. Он ограничивал рабочий день восемью часами и содержал множество новых правил, которые защищали права работников. [...]

Чиновники же в массе своей помнили, как в 1951 году я подал законопроект, который сделал бы их жизнь проще и улучшил бы их положение, но Народная партия выступила тогда против, и мое предложение кануло в Лету.

Что же до простого народа, у меня было множество связей с лидерами кварталов – или напрямую, или через друзей и родственников.

Объединившись, все эти силы свели на нет козни моих врагов, несмотря на колоссальные усилия и большие суммы, которые те щедро тратили, чтобы убрать с дороги именно меня. Я же ограничивался встречами у себя дома, где мои соратники выступали с речами. [...] Из тех, кто вызвался выступить, я помню таких людей, как шейх Абд ар-Рауф Абу Таук, Казим ад-Дагестани, Назих аль-Муэйид, Камиль аль-Бани и не только. Мои же коллеги по избирательному списку довольствовались молчаливым присутствием. Это способствовало их поражению в первом туре.

Я также принимал приглашения спортивных клубов, которые устраивали мероприятия в мою честь. Я приезжал с группой друзей и сторонников на больших и маленьких машинах. Как

на демонстрациях, повсюду скандировались лозунги: «В президенты, Халид-бей! В лидеры, Халид-бей! В депутаты, Халид-бей!» – и так далее. Это злило тех, кто сам метил в президенты и вожди. Из толпы стреляли в воздух, выражая энтузиазм и восторг. Все это происходило, несмотря на то, что я настаивал, чтобы любители громко покричать и люди с пистолетами воздерживались от своего привычного поведения.

Я стал экспертом в боксе, единоборствах, баскетболе – до того часто присутствовал на подобных спортивных мероприятиях. Один из лидеров клуба «аль-Хамам» пригласил меня на прием в мою честь и настоял, чтобы я приехал. Когда я прибыл в назначенный срок, меня ждали лишь посол Египта и еще два человека. Остальные сиденья пустовали, так что я подумал, что кто-то опаздывает. Но потом понял, что они хотели скомпрометировать вечеринку в мою честь. Ведь главой этого клуба был Сухейль аль-Хури – кандидат [в депутаты] от Национальной партии, сын моего наставника и друга Фариса аль-Хури.

Моя предвыборная кампания отличалась тем, что мы не покупали ни голоса людей, ни их совесть. Все, что мы делали – предлагали гостям наших мероприятий бесплатный кофе; арендовали автомобили для тех, кто вместе со мной посещал спортивные мероприятия; покупали билеты в эти клубы. Со мной даже связывались лидеры местных сообществ, чтобы рассказать, сколько предлагает лидер той или иной партии или такой-то кандидат, – в надежде, что я присоединюсь к торгам. И каждый раз я четко давал понять, что они не получают от меня ни денег, ни обещаний назначить на должность или помочь в суде! [...]

Активны были и женские организации: они тоже принимали у себя кандидатов. Закон о выборах не позволял женщинам заседать в парламенте. Поэтому они боролись за [то, чтобы получить] право баллотироваться, а не за право голосовать [которое у них уже было]. Женские организации обещали поддержать тех, кто попытается реализовать их требования в новом парламенте. [...]

Если учесть, что, помимо фактора [введения] кабинки для голосования, был фактор избрания в один тур вместо двух туров, как раньше, становится ясно, почему [часть] мандатов консервативного класса перешла к классу прогрессивно-освободительному. Несомненно, прогрессивные силы так и не получили парламентского большинства. Причиной тому были влиятельные консервативно настроенные землевладельцы из провинций. Но ситуация менялась быстро, и шанс на перемены увеличивался. [...]

Со мной в первом туре победили Сухейль аль-Хури, [один из лидеров Национальной партии] Сабри аль-Асали, [генеральный секретарь Коммунистической партии] Халид Багдаш и Му-

нир аль-Аджлани⁹. Те, кто получил 10% и больше, участвовали во втором туре. Остальные [в Дамаске] проиграли.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Вскоре после того, как я стал министром обороны в начале 1957 года, мы провели серию встреч с начальником генштаба, его помощниками и командирами дивизий. На них среди прочего обсуждался вопрос военного снаряжения, которое министерство закупило у Советского Союза, Чехословакии и Польши. Говорили также обо всем необходимом: например, о дополнительных поставках оружия и новых ангарах для тяжелой техники вроде танков, а также боеприпасах, форме и так далее. Поднимались и вопросы, связанные с увеличением армии и потребностью в новых казармах. [...]

Нет сомнений, что сделки о поставках оружия в Сирию из Советского Союза и Чехословакии были своего рода помощью. Нет, они были не бесплатными, но цены на вооружение были низкие, а выплата предусматривалась с рассрочкой. Беспристрастный человек не может обвинить Сирию и Египет, подписавших такие сделки, в том, что они отказались от части суверенитета или что они связали себя какими-то обязательствами перед поставщиками¹⁰. Эти контракты сделали армии Сирии и Египта сильнее, чем когда-либо в прошлом. [...]

Что касается наших отношений с Восточным блоком, прежде всего следует упомянуть, что восточноевропейские страны никогда ничего не навязывали Сирии и не требовали от нее заключения союза или договора. [...]

В сущности, и у нас не было желания связывать себя соглашениями с коммунистическими государствами, поскольку это сделало бы нашу внешнюю, внутреннюю и социальную политику зависящей от их собственного курса.

Мы же по-прежнему верили в арабский национализм, и все, что происходило в мире, рассматривали с точки зрения влияния на наше существование, нашу независимость и нашу нацию. Что же до коммунистической идеологии, то она – несмотря на какое-то количество ее сторонников в стране – в Сирии

9 Мунир аль-Аджлани (1912–2004) – политик и юрист из Дамаска, преподавал право в Университете Дамаска и был депутатом. Поддерживал сближение Сирии с монархиями Ирака и Иордании. 2 августа 1950 года, выступая в парламенте, раскритиковал вмешательство военных в политику. В 1956-м обвинен в подготовке переворота при поддержке Ирака. До 1961-го находился в заключении, после переворота, организованного «Баас» (1963), покинул Сирию.

10 В 1950-х США настаивали, чтобы в обмен на поставки оружия Египет и Сирия присоединились к прозападному Багдадскому пакту, куда входили Турция, Ирак, Иран, Пакистан и Великобритания. Арабские националисты считали это продолжением империалистического курса и выступали против Багдадского пакта.

не была популярна ни среди класса крупных землевладельцев, ни среди социалистов и представителей других течений.

Возвращаясь к соглашениям о получении экономической помощи из-за границы, надо определенно сказать: чтобы развивать нашу страну, у нас не было выбора, кроме как обратиться к Советскому Союзу. Нашим условием было, чтобы эта помощь не стала предлогом для вмешательства в наши внутренние дела и не подрывала нашей независимости и свободы.

Обдумав все как следует, я решил, что необходимо провести переговоры с советским правительством, чтобы получить от него экономическую помощь, а также заключить сделки о поставках оружия. Необходимо было продолжать эти закупки, чтобы поддерживать мощь армии и снабжать ее современным оружием.

Я поговорил с послом СССР и попросил уведомить его правительство, что хотел бы посетить Москву и обсудить перспективы получения экономической помощи и поставки военного снаряжения.

ХАЛИД АЛЬ-АЗМ

ВРЕМЕНА
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
В СИРИИ...

Мы верили в арабский национализм, и все, что происходило в мире, рассматривали с точки зрения влияния на наше существование. Что же до коммунистической идеологии, то она в Сирии не была популярна ни среди класса крупных землевладельцев, ни среди социалистов и представителей других течений.

Ответа пришлось ждать больше двух месяцев. В один из июньских дней 1957 года посол пришел ко мне и сообщил, что советское правительство будет радо принять меня с визитом. Он также попросил сказать, какие вопросы я собираюсь поднять в Москве. Я ответил, что подробности знают эксперты и чиновники, а мое дело – добиться принципиального соглашения в общих чертах; в связи с этим я считаю необходимым провести официальные переговоры в Москве.

В конце июня мне сообщили, что [правительство СССР] согласно на встречу в Москве. Мы согласовали дату на последнюю неделю июля.

Когда я докладывал об этом Совету министров, то упомянул, что также собираюсь воспользоваться случаем и, проезжая через Прагу, встретиться с руководителями чехословацкого правительства. Я хотел добиться переноса выплат по оружейной сделке на десять лет, поскольку казна была не в состоянии оплатить ее.

Совет министров одобрил мою идею, но не издал никаких письменных распоряжений, чтобы оставить поездку в секрете. Я также договорился с министром общественных работ и коммуникаций, господином Фахиром аль-Кайяли, что он подготовит заключения его министерства для моей поездки в Москву.

4 июля я направился в Рим. В Италии я собирался провести праздники и отдохнуть, а затем 23 июля встретиться в Праге с начальником нашего генштаба Тауфиком Низам ад-Дином и другими членами военной делегации, которым предстояло ехать со мной в Москву. [...]

После Рима я поехал в Бонн, столицу Западной Германии, и встретился с генеральным директором министерства экономики. Я объяснил, в какой экономической помощи нуждается Сирия, какие займы и какая техническая и финансовая помощь нужны для реализации промышленных и сельскохозяйственных проектов, а также для строительства железных дорог. Я сообщил ему, что мы будем рады договориться с иностранными предпринимателями о долгосрочных займах или об инвестициях в компании, которые реализуют эти проекты. Генеральный директор и его помощники слушали с интересом, но дали понять, что их правительство не готово предоставить нам заем, а немецкий бизнес не горит желанием сотрудничать с сирийским капиталом. Однако они готовы продать нам необходимую технику при условии, что она будет оплачена в течение года. Разумеется, наш ответ был отрицательным. США, которые определяют политику ФРГ, и евреи, контролирующие их экономики, не позволяли помочь Сирии и облегчить ее участь, если она не склонится перед ними. [...]

Полет в Москву из Праги длился два часа пятнадцать минут. В аэропорту нас встречали министр обороны Георгий Жуков, вице-премьер [Иосиф] Кузьмин¹¹ и несколько министров и послов, включая нашего посла, господина Джамала аль-Фарра, и сотрудников посольства. Там было множество офицеров и чиновников, а также группа сирийской молодежи, которая приехала в Москву на [VI Всемирный] фестиваль [молодежи и студентов]. Спустившись с трапа и поздоровавшись с встречающими, мы с министром обороны поднялись на трибуну, над которой реяли сирийский и советский флаги. Заиграли национальные гимны. [...] Потом, следуя за принимающей стороной, мы направились в подготовленный к нашему приезду дом на улице Алексея Толстого. [Советский] МИД подготовил его для гостей, и там были спальни, гостиные, столовые залы, кинотеатр и бильярд. Этот дом был предоставлен нам – министру аль-Кайяли, мне и моей супруге. Офицеры же остановились в гостинице в качестве гостей советского правительства.

11 Иосиф Иосифович Кузьмин (1910–1996), в 1957 году – первый заместитель председателя Совета министров СССР.

После прибытия я немедленно встретился с [бывшим] послом [СССР в Сирии Даниилом] Солодом¹², которого МИД назначил сопровождать нашу делегацию. Это был старый друг, который занял пост представителя СССР в Дамаске в 1944 году [и занимал его до 1950-го], а потом был назначен послом в Каир. Там мы с ним и встретились в 1955-м. Мы – я и глава генштаба, полковник Шаукат Шукейр, – попросили Солода сообщить советскому правительству, что нам бы хотелось купить русское оружие.

Меня обрадовало, что посла Солода выбрали для сопровождения нашей делегации в Москве. Я знал, что он любит нашу страну, к тому же приветлив и мягок характером.

Посол Солод объяснил мне, что со стороны русских переговоры будет вести господин [Алексей] Косыгин – заместитель премьер-министра и представитель талантливой молодежи, которой предстояло занять высочайшие посты в будущем. Я встревожился, не говорит ли это об отсутствии интереса к нам, и спросил, почему переговоры будет вести не маршал [и глава правительства Николай] Булганин или Никита Хрущев. Солод ответил, что протокол позволяет вести переговоры только с людьми того же ранга, то есть с премьер-министром. И добавил, что правительство и так нарушило протокол, поскольку его делегацию возглавляет один из вице-премьеров, а мы с аль-Кайяли были просто министрами. Таким образом, СССР выражал свою заинтересованность.

Меня удивило, сколько значения они придают вопросам, о которых у нас в Сирии особо не задумываются. У нас президент республики встречается со всяким [важным] гостем, который приезжает из-за рубежа, сам принимает его и устраивает банкет в его честь. [...] Я настаивал, что встреча с двумя упомянутыми лидерами необходима, и Солод пообещал добиться, чтобы для нас нашли время.

Переговоры стартовали на следующий день, когда мы пришли в офис к заместителю главы правительства, господину Косыгину. [...] Разговор начался с благодарностей за радушный прием. Я заявил, что вопросы, которые мы хотели бы обсудить, делятся на две группы – экономические и военные. Я попросил согласия на то, чтобы разделить эти темы и создать две комиссии, которым предстояло детально обсудить каждый из этих аспектов. Косыгин поблагодарил нашу делегацию за визит, пустился в неумеренное прославление свободной Сирии и объявил, что его правительство готово внимательно рассмотреть все интересующие нас темы. Он согласился, чтобы офицеры обсуждали военные вопросы с Министерством обороны, пока мы (я, министр Кайяли и посол Джамаль аль-Фарра) гово-

12 Даниил Семенович Солод (1908–1988), в 1957 году – заместитель заведующего Отделом стран Ближнего Востока МИД СССР.

рим об экономике с ним и господином Никитиным – замглавы Специального экономического совета. Потом я объяснил, зачем мы приехали в Москву:

«Глава сирийского правительства [Сабри аль-Асали] поручил нам поблагодарить вас за дружественную позицию, которую заняло правительство СССР по отношению к арабским проблемам в целом – и особенно в вопросах, связанных с Сирией. Благодаря этой позиции, каждый сирийский гражданин и каждый араб испытывает признательность и братскую любовь к народу Советского Союза, а также верность и благодарность. И он не забудет черных дней, через которые прошла арабская нация во время Суэцкого кризиса, не забудет сильной поддержки, которую оказало правительство СССР, особенно его великий председатель, маршал Булганин. Мы убеждены, что эта помощь внесла решающий вклад в срыв планов империалистов, которые стремились нанести удар по арабской идее, свергнуть свободные арабские правительства и покорить Ближний Восток. [...]

Нынешнее сирийское правительство, стоя бок о бок с Египтом, сосредоточено на сопротивлении империализму и сионизму, на защите нашего существования, наших независимости, свободы и территориальной целостности перед лицом всех, кто желает нам зла. Сейчас сирийское правительство подвергается сильному давлению, несмотря на то, что оно заявило о следовании принципу положительного нейтралитета во внешней политике. Однако империалистические державы считают, что наш курс противоречит их устремлениям на Востоке, и не жалеют усилий в попытках сместить это правительство, дабы изменить внешнюю политику Сирии, как это случилось, например, в Иордании. [...]

Мы считаем, что решения, которые позволяют сопротивляться проискам империалистов, должны предусматривать следующее. Во-первых, дальнейшее усиление сирийской армии, обеспечение ее всем необходимым снаряжением, строительство казарм, складов, госпиталей и не только. Во-вторых, строительные проекты, которые увеличат национальный доход и общее благосостояние. В-третьих, открытие для нас иностранных рынков, чтобы Сирия могла экспортировать свою продукцию.

Опорой этих проектов может послужить только советская помощь в следующих вопросах. Во-первых, отсрочка платежей по оружейным сделкам с Россией, Чехословакией и Польшей до десяти лет. Во-вторых, реализация строительных проектов (железные дороги, плотины и так далее) на основе соглашений о строительстве и кредитовании. В-третьих, реализация строительных проектов армии за счет договоренностей о финансировании в рассрочку. В-четвертых, содействие сирийскому правительству в торговом обмене со странами Восточной Европы, особенно в том, что касается сельхозпродукции. И если советское правительство согласится на общие принципы, то эксперты могут приступить к работе, начиная с обсуждения частных вопросов».

Господин Косыгин сказал, что его правительство, в принципе, готово предоставить возможную помощь, однако следует подробнее изучить детали, чтобы дать однозначный ответ. [...]

Затем мы провели еще одну встречу с комитетом, сформированным под руководством господина Никитина, в Министерстве внешней торговли и продолжали общие обсуждения. Противоположная сторона задавала множество технических вопросов, на которые мы не могли ответить. Так что ограничились тем, что определили количество проектов. Русская делегация попросила пять дней, чтобы изучить вопрос и дать ответ. [...]

Естественно, что мы обратились к Советскому Союзу за экономической помощью. Это соответствовало нашему курсу на решение проблем армии за счет поставок из стран социалистического блока. И мы рассчитывали на их поддержку в нашей борьбе с устремлениями колониализма в нашей стране. Мы встали на этот путь лишь после того, как ощутили угрозу экономической блокады, которую хотели устроить западные страны – так они хотели вынудить нас подчиниться им. Разве мы могли получить экономическую помощь от этих государств? Ведь Америка дает Израилю то, что он просит, но не позволяет оказывать помощь Египту. Британия и Франция помогают Израилю и сражаются вместе с ним [во время Суэцкого кризиса 1956 года]. Разве мы могли надеяться на их помощь? Германия, Италия, Бельгия и другие страны Европы следовали за США и Британией и отказывались помогать нам и продавать оружие.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В СИРИИ

Сирийские партии, по сути, не были объединениями людей с общей идеологией или хотя бы похожими взглядами, создаваемыми для воплощения определенных принципов или проведения какой-то политики. И если Партия арабского социалистического возрождения [«Баас»] поначалу и отличалась от остальных, то даже в ней было мало людей, которые действительно руководствовались бы идеологией. Большинство же вступало в нее исходя из собственных персональных желаний и устремлений.

Если мы рассмотрим историю этих партий и причины их появления, то обнаружим, что это были всего лишь объединения вокруг человека или группы лиц. [...]

Так появилась Народная партия. Ее лидерами были Рушди аль-Кихья и Назим аль-Кудси¹³. Они стремились собрать вокруг

13 Политики из Алеппо, занимавшие ряд высоких постов. В частности, Рушди аль-Кихья в 1949 году был избран спикером Учредительного собрания, а Назим аль-Кудси впоследствии занимал пост президента (1961–1963) (свергнут офицерами-баасистами).

себя группу депутатов и сумели привлечь молодых парламентариев, которым хотелось заявить о себе и получить ключевые министерские портфели. Среди них были [будущие министры] Аднан аль-Атаси, Файди аль-Атаси и Хани ас-Сibaи. Так появилась Народная партия, базирующаяся в Алеппо. Потом у нее появились отделения в других городах.

Национальная же партия появилась из остатков Национального блока¹⁴, к которым присоединилась молодежь, желавшая попасть в парламент. По приглашению господина Набиха аль-Азме была основана партия, к которой присоединились Лютфи аль-Хаффар, Сабри аль-Асали, доктор Абд ар-Рахман аль-Кайяли, Наджиб аль-Барази, Ас'яд Харун и другие.

Сирийские партии не были объединениями людей с общей идеологией или хотя бы похожими взглядами, создаваемыми для проведения какой-то политики.

Что касается Кооперативной социалистической партии, ее основал Фейсал аль-Асали. Он организовал ее по образцу фашистских и гитлеровской организаций, ее члены обучались навыкам обращения с огнестрельным оружием. Аль-Асали приказывал и запрещал, будто он командир в армии, а его последователи безропотно исполняли «его волю» и приветствовали его стоя. Он собирал деньги со сторонников и растрачивал их на собственные прихоти. Президент Шукри аль-Куватли опирался на эту партию в 1948 году, пытаясь при ее поддержке продлить свои полномочия. Затем он отвернулся от нее и попытался ликвидировать.

Племенной блок [в парламенте] появился для того, чтобы защищать интересы верхушки основных племен Сирии. Я не сомневаюсь, что к финансированию этих депутатов приложила руку (а может и обе) Саудовская Аравия. Эта организация выступала противником нашего курса, направленного на избавление от империализма. Фракция служила империализму, хотела она того или нет.

Конституционный блок объединил людей вроде Мунира аль-Аджлани, которые не были готовы вступить в Племенной блок, несмотря на общие цели и источники финансирования. В этой фракции состояли Сухейль аль-Хури и другие.

Наш Демократический блок был основан с той же целью, что и другие фракции. Депутаты группировались вокруг одного человека, поддерживали его в парламенте, затем пытались

14 Национальный блок объединял ведущих политиков, боровшихся за независимость от Франции.

добиться его назначения президентом или министром и в случае успеха питались крошками с его стола.

Хотя все партии и фракции были такими, некоторые из их членов желали только добра и руки их были чисты. Но они составляли лишь незначительное меньшинство, неспособное изменить положение вещей.

Что же до политических принципов, то Народная партия изображала себя как верную защитницу демократии. Сколько раз ее депутаты поднимали вопли в зале заседаний, оплакивая свободы и Конституцию, сколько раз обвиняли министров в нарушении Конституции и ее священных правил! Сколько раз они требовали сформировать комиссию для парламентского расследования хищений и злоупотреблений, в которых они обвиняли других – иногда справедливо, иногда бездоказательно.

Однако большинство их министров совершали поступки, аналогичные тем, в которых они обвиняли своих политических оппонентов. При этом министры действовали сообща с членами партии и близкими к ней людьми. Будто бы этого было недостаточно, они принуждали чиновников вступать в партию, если те хотели продвигаться по службе и получать премии, а не быть уволенными. [...] Нередко чиновник был вынужден платить за повышение, отдавая за него месячное жалование. Даже за назначение на невысокий пост – жандарма или полицейского – нужно было заплатить не меньше 50 сирийских лир.

Что же до политической ориентации партии, то она менялась в зависимости от обстоятельств. Главным для лидеров партии было остаться у власти и таким образом продолжать обогащаться. Некоторые из них призывали власти Ирака к объединению с Сирией, что помогло бы им самим прийти к власти. Другие молчали о перевороте Хусни аз-Заима [30 марта 1949 года], ведь он избавил их от [президента] Шукри аль-Куватли и от враждебного им парламента. Потом [лидеры Народной партии] приняли бразды правления из рук [лидера военного переворота 14 августа 1949 года Сами] аль-Хиннави¹⁵, который вручил им всю полноту власти. Партия хотела присоединиться к империалистическому Багдадскому пакту и была против соглашения [об альтернативном союзе] с Египтом и Саудовской Аравией, потому что [неоднократно занимавший должность премьер-министра монархического Ирака] Нури ас-Саид осыпал большинство из них деньгами и обещаниями. [...]

Национальная партия была не менее аморфной и непоследовательной. Ее деятельность началась с поддержки Шукри аль-Куватли и его стиля правления, затем партия тайно проти-

ХАЛИД АЛЬ-АЗМ

ВРЕМЕНА
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
В СИРИИ...

15 В отличие от Хусни аз-Заима и Адиба Шишакли, аль-Хиннави не имел политических амбиций. После переворота он передал власть гражданскому правительству, в котором ключевые министерства получила Народная партия.

востояла ему, не получив его содействия на [парламентских] выборах 1947 года в [избирательных округах] Алеппо. Партия была готова работать под началом Хусни аз-Заима, и [лидер Национальной партии] Сабри аль-Асали сформировал бы правительство, если бы Заима не убили [в ходе военного переворота] 14 августа 1949 года. Партия изменила свой устав, признав в качестве желаемой монархическую форму правления вместо республиканской. Это было подготовкой к объединению с [монархическим] Ираком. Они работали над этим вместе с Народной партией. Затем [Национальная] партия вернулась к республиканизму и время от времени сотрудничала с [военным диктатором Адибом] Шишакли [– противником сближения с Багдадом –], а потом отвернулась от него.

Вместе с остальными партиями она поддержала возвращение к конституционной жизни [после свержения Шишакли в 1954-м] – после того, как ее лидеры получили деньги из Ирака. В 1954 году Национальная партия работала в правительстве вместе с Народной партией. А потом [Национальная] партия не преминула развалить правительство, отозвав своих министров, и смело вступила в союз с нами и Партией [арабского] социалистического возрождения [«Баас»]. Вслед за этим [партию] покинули некоторые ее члены, в том числе Лютфи аль-Хаффар, Сухейль аль-Хури и Хабиб Кахале. Затем партия поддержала кандидатуру аль-Куватли на пост президента, хотя [генеральный секретарь Национальной партии Сабри] аль-Асали мечтал об этой должности. На его пути стоял лишь любимый коллега Михаил Ильян, который интриговал – сообщая с Ираком и империалистическими державами – и добивался избрания аль-Куватли. Позиция партии по Багдадскому пакту была предметом насмешек и осуждения. Хотя аль-Асали явно был против, он не осмелился пойти наперекор Ильяну. Партия раскололась на два крыла, которые пререкались на протяжении всей работы этого правительства. Стоило пакту развалиться, как они примирились. Но согласие царило недолго: осенью 1956 года партию потрясло известие о британо-иракском заговоре (они планировали устроить переворот в Сирии одновременно с началом франко-британской агрессии против Египта). Михаил Ильян бежал в Бейрут, так что Сабри аль-Асали избавился от его влияния. [...] Однако члены Национальной партии по-разному отреагировали на новый курс, которого хотел Сабри аль-Асали, и из партии среди прочих ушли Бадави аль-Джабаль и Леон Замарая.

Это краткое изложение истории Национальной партии демонстрирует, что их политика колебалась то вправо, то влево: они то республиканцы, то монархисты, то проиракские, то проегипетские, временами тяготели к социализму, а временами выступали как консерваторы-реакционеры!

Что же то Партии [арабского] социалистического возрождения [«Баас»], [...] резюмируя, можно сказать, что, по сути, она не отличалась от Коммунистической партии ни своими принципами, ни взглядами на устройство общества, ни внешней политикой. И та и другая хочет править, сосредоточив всю власть в своих руках. Это сходство привело сначала к отчуждению, потом к вражде, а затем одна из партий принялась преследовать другую.

Партия [арабского] социалистического возрождения долго сотрудничала с компартией во всех сферах. Дошло до того, что [один из лидеров баасистов Акрам] аль-Хаурани и его фракция стали опасаться, что лидерство [среди левых] перехватят [генеральный секретарь компартии Халид] Багдаш и его последователи. Так что в 1957 году они принялись бороться с коммунистами и атаковать их. Генерал Афиф аль-Бизри¹⁶ пригласил лидеров обеих групп на примирительную встречу, где присутствовал и я. [Коммунист] Мустафа Амин¹⁷ демонстрировал искреннее желание разрешить противоречия и жаловался на повсеместные атаки баасистов на коммунистов. Хаурани же хитрил. Когда аль-Бизри предложил сформировать комитет из представителей обеих партий, чтобы посетить город за городом и покончить с недопониманиями между сторонниками [партий], Хаурани не принял этого предложения, но сделал это так, чтобы избежать обвинений в срыве соглашения. При этом присутствующие чувствовали, что он и на самом деле не хочет примирения.

По сути, Партия [арабского] социалистического возрождения состояла из двух: Партии арабского возрождения и Социалистической партии. Партия возрождения была основана [в 1940-х] молодыми интеллигентами в Дамаске, и ее активность ограничивалась студенческой средой. В ней также была группа, которая занималась философскими теориями. У этой партии не было политического влияния в Дамаске – при том, что город оставался центром ее активности. Показательно, что лидер партии Мишель Афляк проиграл на выборах в Учредительное собрание в 1949 году, несмотря на то, что был членом правительства, которое проводило голосование. Эта партия была мишенью непрекращающихся атак и ожесточенных кампаний, которые устраивали богословы со своими многочисленными организациями и ассоциациями. Под удар попадала

16 Афиф аль-Бизри (1914–1994) – сирийский офицер-коммунист, известный симпатией к египетскому президенту Гамалю Абдель Насеру. В 1957 году назначен начальником генштаба сирийской армии, в начале 1958-го возглавил делегацию сирийских офицеров, которая инициировала объединение Сирии и Египта в Объединенную Арабскую Республику (1958–1961).

17 Мустафа Амин (1921–2014) – член сирийской компартии, входил в партийное руководство в Дамаске. Был видным деятелем в просоветском движении за мир.

как сама партия, так и отдельные ее члены. Их обвиняли в том, что они еретики и борются с религией.

Что же до [Арабской] социалистической партии, она строилась вокруг фигуры Акрама аль-Хаурани, который официально основал партию в 1949 году, будучи министром в правительстве Хашима аль-Атаси накануне выборов в Учредительное собрание. Партия родилась из политической ассоциации, которую основали несколько молодых людей в городе Хама, под названием «Молодежная лига». Это было в начале Второй мировой войны. [...] Впоследствии Хаурани продемонстрировал, что он заклятый враг [землевладельца и политика] Фарид-бея [аль-Азма], его детей и всех богатых людей в Хаме и других городах. Ему доставляло удовольствие обращать богатых в бедных, лишая их влияния и унижать.

У Хаурани были очень тесные связи с офицерами сирийской армии из-за общих взглядов на политику и общество. С помощью этих офицеров он сумел распространить свое влияние на военное училище в Хомсе, которое ежегодно выпускало по меньшей мере сотню молодых офицеров. Большинство учеников, которые не справились с обучением в старшей школе, шли в военное училище, куда попадали лодыри, на протяжении учебы в обычных школах протиравшие штаны. Там им предстояло отмучиться всего два года, по итогам которых они выпускались младшими лейтенантами. Затем они продвигались в чинах с фантастической скоростью, так что до полковника или генерала можно было дослужиться меньше, чем за десять лет. Их восхищал вид военной формы, и они самодовольно расхаживали перед сверстниками, которые все еще учились и сидели за партами, в то время как [молодой] офицер уже имел мягкий стул в штабе и раздавал приказы многочисленным солдатам и офицерам.

И все это мелочи по сравнению с тем, какую роль офицер может играть в политике своей страны, в определении ее внутреннего и внешнего курса. Из-за военных переворотов, от которых страдала страна, у людей лишь прибавилось желания поступать в военное училище. Для офицеров путч каждый раз заканчивался серией повышений по службе, о которых не может мечтать никакой офицер в обычных условиях – не говоря уже о влиянии и власти.

Усилия Хаурани были направлены на то, чтобы в военное училище поступало как можно больше молодых парней, связанных с ним, и чтобы они агитировали других учащихся вступить в его партию. Ему помогали и руководители училища, и преподаватели, и даже армейский генштаб. Не прошло и семи или восьми лет, как большинство офицеров оказались связанными с Партией социалистического возрождения.

В целом Хаурани опирался на три элемента: на офицеров, студентов и крестьян. [...]

Кооперативную социалистическую партию ее «вождь» Фейсал аль-Асали сколотил из радикальной молодежи разных взглядов, с разным уровнем воспитания и образования. Большинство из них следовали за отважным лидером, который пробуждал в них примитивные инстинкты и подстрекал к чудовищному поведению. Зачастую это приводило к потасовкам, увечьям, убийствам, нападениям, поджогам и иным актам насилия. Все это творилось отнюдь не во имя политических принципов или социальных целей. [...]

Хотя по своим методам партия Фейсала аль-Асали напоминала фашистов, нацистов и подобных им сторонников насилия, ключевое отличие заключается в том, что у фашистов и нацистов были более ясные программы, которые они реализовывали. Что же до кооперативщиков, их принципы были смесью идей, кои заимствовались из всевозможных социальных теорий со всего мира. Они полагали, что этого достаточно, чтобы подавать себя как прогрессивно-социалистическую силу. В то же время лидер партии аль-Асали был всего лишь молодым человеком, который пытался любыми средствами прийти к власти и был согласен получать деньги и поддержку от любых стран. Он жаждал славы, хотел стать популярным и был готов добиться своего любыми методами.

Окончив Юридический институт в Дамаске, аль-Асали был назначен в судебные органы. Он рассматривал дело об убийстве и воспользовался этим: стал общаться с прессой, раздувать значимость дела и даже клеветать на невиновных, чтобы привлечь максимум внимания. А когда его назначили инспектором в продовольственной сфере, принялся устраивать на работу членов партии и сколотил из них банду, которая начала терроризировать города и деревни, готовясь к грядущим парламентским выборам.

Затем аль-Асали примкнул к [тогдашнему президенту] Шукри аль-Куватли и в 1948 году стал призывать к его переизбранию. Как-то раз на шумной демонстрации он шел за погребальными носилками, утверждая, что на них труп его сторонника, убитого полицией. Но носилки перевернулись, и обман раскрылся.

Вместе со своими последователями аль-Асали напал на склады торговцев и поджигал их. Потом они среди бела дня убили молодого парня. Правительство обо всем знало, но ничего не предприняло. Но стоило [аль-Асали] пойти против Шукри аль-Куватли, как последний потребовал от меня¹⁸ задержать его и бросить в тюрьму – не из-за упомянутого убий-

18 Вероятно, речь идет о периоде с декабря 1948-го по март 1949 года, когда Халид аль-Азм был премьер-министром.

ХАЛИД АЛЬ-АЗМ

ВРЕМЕНА
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
В СИРИИ...

ства, а из-за политической активности, которая не нравилась президенту!

Он [аль-Асали] был среди ближайших друзей Хусни аз-Заима, но потом принялся яростно критиковать его в парламенте, обвиняя в измене [из-за неудачной войны с Израилем и коррупции в армии]. Эти нападки были важнейшим из факторов, подтолкнувших Хусни аз-Заима к перевороту 30 марта 1949 года. Аз-Заим арестовал аль-Асали и бросил его в тюрьму аль-Меззе.

Затем Фейсал примкнул к своему двоюродному брату [лидеру Национальной партии] Сабри аль-Асали и обхитрил его на выборах [в Учредительное собрание] в 1949 году. Хотя они работали вместе, Фейсал аль-Асали получил голоса благодаря Национальной партии, а сам ей, в сущности, не помог.

Потом он брал солидные суммы от посла Египта в Дамаске и стал египетским агентом, навещал [начальника египетской разведки] майора Салаха Салема и призывал к соглашению с Египтом. Но в 1956 году, накануне тройственной агрессии, он пошел против Египта, связался с участниками англо-американского заговора против Сирии и в итоге бежал из страны. [...]

Что касается Сирийской [социальной] националистической партии, то ее основатель Антун Сааде работал сначала на немцев, а потом на США. Ему удалось привлечь немало образованной молодежи в Сирии и Ливане. Они подчинялись его приказам и следовали за ним, как это происходит в фашистских и нацистских партиях. Идеология и цели партии заключались в создании единого государства в Сирии, Ливане и Иордании и отрицании арабского характера этих стран¹⁹.

Сааде примкнул к Хусни аз-Заиму, стал брать деньги и оружие, чтобы устроить революцию в Ливане и установить там правительство, связанное с Сирией, в соответствии с принципами партии. Но [премьер-министр Ливана] Рияд ас-Сольх²⁰ и [президент] Бишара аль-Хури знали об опасности и, подготовившись, жестко подавили выступление. Когда Сааде бежал в Дамаск, то стал жертвой предательства со стороны Хусни аз-Заима: тот на определенных условиях передал его ливанскому правительству. За одну ночь его осудили и приговорили к смерти, а ранним утром расстреляли, приведя приговор в исполнение.

19 Идеология Сирийской социальной националистической партии возводит истоки сирийской нации к народам и государствам древнего Ближнего Востока. Ключевым ее элементом также является секуляризм. Исторически партия пользовалась заметной популярностью у представителей конфессиональных меньшинств: христиан (особенно греко-православных), шиитов, друзов и алавитов. В 1940-х у нее также было определенное влияние среди офицеров сирийской армии.

20 Рияд ас-Сольх (1894–1951) – первый премьер-министр независимого Ливана. Убит сторонниками Сирийской социальной националистической партии во время визита в Иорданию.

Однако смерть вождя не погубила партию, а лишь временно ослабила. [...] Партийцы стали тайно работать против Сирии совместно с американскими агентами. От их рук на стадионе Дамаска пал полковник-[бааист] Аднан аль-Малики, и это убийство было лишь первым ударом по армии и ее руководителям. Однако заговор провалился, его участники были арестованы. Трех казнили, а остальных посадили. Все госслужащие, связанные с партией, были уволены, и у партии не осталось никаких структур в Сирии.

Что касается Коммунистической партии, то следует сказать, что количество ее представителей в парламенте – один только [генеральный секретарь] Халид Багдаш – не отражало числа ее сторонников в стране. С одной стороны, для многих избирателей идеи коммунизма были неприемлемы, а с другой, у партии не получалось делиться голосами [формировать совместные списки] ни с какой другой группой, как это делали другие кандидаты. Причина в том, что все держались подальше от того, что может навредить на выборах. А у компартии в Сирии были связи с коммунистическими партиями по всему миру. К тому же многие были убеждены, что за партией стоит Москва, и это побуждало избирателей не голосовать за кандидатов-коммунистов.

Коммунисты понимали все это и выдвигали кандидатов только в Дамаске и Алеппо, где сосредоточены интеллигенция и рабочие, состоящие в партии. Против них выступали религиозные деятели, обвинявшие коммунистов в атеизме, в то время как социалисты соперничали с ними в профсоюзах и в среде интеллигенции.

Перевод с арабского и комментарии Максима Жабко.

ХАЛИД АЛЬ-АЗМ
ВРЕМЕНА
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
В СИРИИ...

